

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

**Статья опубликована в журнале
Гуманитарный вектор, 2011, № 2(26), с. 130–137**

Трансграничье является сферой уникального культурного взаимодействия, при исследовании которого могут быть задействованы все без исключения подходы интегративного культурологического знания. Это философия культуры, социология культуры и социокультурные исследования, культурная антропология, культурная семантика, история культуры. Поскольку трансграничье представляет собой сферу культурного взаимодействия, то наиболее перспективными представляются исследования в области обнаружения закономерностей и прогнозирования социокультурной динамики. Трансграничье, в том числе забайкальское, представляет собой уникальную лабораторию по изучению всевозможных типов культурной динамики, выделенных на теоретическом уровне. Это процессы культурогенеза, трансформации культурных форм и систем, реинтерпретации культурных форм, культурной диффузии, аккультурации. Их исследование может проводиться на основе широкого спектра методологических подходов, начиная с ранних – различных вариантов теории диффузионизма и заканчивая современными постмодернистскими разработками идеи «лимитрофы».

I

Рассмотрим работы, касающиеся проблемы трансграничного взаимодействия в целом, по отношению ко всей российской социокультурной динамике.

Блестящее культурологическое исследование концепта «граница» в отечественной культуре представляет собой работа О. Бредниковой «Последний рубеж» [2]. Работа важна тем, что показывает, насколько важна роль культурологии в преодолении идеологем. Автор дает анализ концепта «граница» в советской тоталитарной культуре, подчеркивает, что «государственная граница в СССР играла чрезвычайно важную роль в конституировании советского общества» [Там же]. По мнению автора, она определяла «свою» территорию, отгораживала «чужих», обозначала конфронтацию политических систем на глобальном уровне и выполняла «универсальную функцию»: обладала всей полнотой смыслов – от политических до метафизических. «Она стала некоей мерой, ориентирующей всю организацию жизни» [Там же].

Поскольку тоталитарное общество строится на силовом сдерживании любых общественных изменений, прежде всего в нём поставлен заслон внешнему воздействию, которое имеет для данной системы исключительно негативные последствия. «Вся информация о государственной границе была строго засекречена. За границу удавалось попасть лишь малому числу счастливиц, относящихся к советской элите. Даже местное население приграничных территорий плохо представляло, что происходит за запретной зоной» [Там же]. Автор полагает, что дереализованный имидж советской границы – это симулякр Бодрийара, не просто симулирующий реальность, но заменяющий ее. Отметим, что в современных российских текстах, посвященных проблемам границы и геополитики, подобное восприятие реальности до конца не преодолено, а идеологемы «национальная безопасность», «духовная безопасность», «безопасность рубежей» продолжают играть фундирующую роль в разработке научных подходов.

Автор показывает, что граница в советской культуре всегда была связана с потенциальной угрозой, которая в любой момент могла стать актуальной. Это наполняло концепт «граница» свойствами активно действующего субъекта: «граница не знает покоя», «граница не дремлет». При этом угрозу представляет враг, проникающий не только «извне», но и «изнутри». Более того, постепенно, по мере оформления тоталитарного государства граница приобретала смысл абстрактной границы между Добром и Злом. Добром в советской культуре является пролетарское или рабоче-крестьянское, а Злом – буржуазное (сегодня – «исконное» и «западное», «духовное» и «бездуховное»). Миф об окружении советской страны как страны Добра Врагами породил представления о ее «островном» положении, и автор отмечает широкое использование этого конструкта современными авторами в области геополитики [7; 18].

Рассмотрим работы автора, проводящего свои исследования на стыке культурологии и геополитики [8]. А. Неклесса предлагает философско-культурологический взгляд на современную трансформацию глобальной системы взаимодействия, трансграничность у него выступает как определяющая черта нового, только формирующегося мира. «Мир, в который мы вошли, – Трансграничье, диахронный лимитроф, объединивший канувшую в Лету Атлантиду Модернити с новой расширяющегося социального космоса» [Там же]. Главное, что отличает новый мир от мира модерна – постоянное изменение, текучесть правил, принципов и различных установок. Автор описывает структуры нового пространства, в которой уже почти нет места национальным

связям. Эта структура транснациональна по сути. «Раньше доминирующей социальной реальностью на планете были государства. На сегодняшний день они не то, чтобы перестали существовать, но появились какие-то другие влиятельные субъекты, действия которых подчас носят не менее, а то и более важный характер. В мире возникают новые сообщества, амбициозные корпорации, действующие в «третьем измерении» социальных связей – транснациональном пространстве» [Там же].

Чем же структурирован новый мир? Ключевую роль в структуре нового глобального взаимодействия играют геоэкономические связи. «Наиболее разработанный на сегодня вариант картографирования зыбкого космоса – геоэкономический атлас мира. Это попытка выстроить картографию современности как единого пространства актуальных социальных взаимодействий, как иерархию различных видов практической деятельности» [Там же]. Обратим внимание на идейную взаимосвязь этих положений с мир-системным подходом И. Валлерстайна, в основе которого лежит тезис об исторической смене глобальных «мир-империй» «мир-экономиками» [3].

Что предлагает российская культурная картина мира в качестве ответа на этот глобальный вызов, автор анализирует в другой работе [9]. Россия прошлого – это «прообраз трансконтинентальной страны, раскинувшейся в один из периодов истории и на двух, и на трех континентах, включив часть Американского материка, и первыми заглянувшей на край континента четвертого» [Там же]. Мир же, в котором России предстоит жить, и который уже является нам посредством трансграничной зоны это «пространство всё более конкурентное, арена непрекращающейся битвы за будущее, за его образ, за реализацию собственной формулы миростроительства» [Там же]. Естественно, необходим адекватный ответ на этот вызов. И никакая «державность» здесь, по-видимому, уже не поможет. «Вертикаль есть упрощенная логика властвования, возникающая как производное от исторически вынужденного «держания» («державы») обширных пространств и населяющих их разноплеменных народов, господства над ними («господарь», «государь»)» [Там же]. Подобная логика организации общества, по мнению автора, продуцирует сословность и разделение, замедляет социальную динамику, снижает интенсивность передвижения, общую подвижность. «И разделяет его в итоге на имобилизованную середину («подчиненный остаток») и пассионарную центробежность, выходящую за пределы страны, «государства»» [Там же].

Проблема не прозвучала бы столь остро, если бы эти философские, даже в чем-то метафизические построения автор не подкрепил данными социологии культуры. Опросы Левада-Центром молодых представителей российского среднего класса с достаточно высоким уровнем дохода и деловой активностью показали, что половина респондентов «думают о возможности уехать из России навсегда или хотя бы на время, две трети людей, в том числе успешно устроивших жизнь, хотели бы отправить детей учиться или работать за границу, а треть рассматривает возможность отправки их за границу навсегда» [Там же].

Антропологический подход успешно реализовал Д.Г. Емченко [5]. В его работе рассматривается маргинальный человек трансграничного региона как ключевой субъект в системе взаимодействия культур. Автор анализирует механизм культурной трансформации национальных границ, при которой маргинальный человек выступает как фигура, действующая одновременно в «двух мирах». Автор констатирует, что «роль национальных государств, столь сильная в XX в., постепенно отходит на второй план» [5, с. 47]. Процессы глобализации, интеграции и регионализации стали причиной ослабления культурных национальных и государственных границ, следствием чего является «усиление социокультурных связей «поверх» национальных границ» [Там же].

Автор определяет трансграничье как «потенциальный регион, разделенный суверенитетом соседствующих государств, обладающий комплексом национальных, региональных, зональных элементов с собственными характеристиками, отражающий их историко-культурное своеобразие, взаимодействующий с сопредельными приграничными регионами для сохранения, управления и развития своего «жизненного» пространства» [Там же]. Важной чертой трансграничья, по мнению автора, является его «потенциальность», готовность обнаружиться при определенных условиях. Несмотря на то, что трансграничный регион есть подсистема более масштабной системы – страны, он обладает «эмерджентностью», т.е. такими свойствами целого, которые не содержатся в составляющих его элементах. «Трансграничный регион связывает культуры двух или более приграничных областей сопредельных государств», он порождает «свою» систему, которая обладает историей формирования и структурой» [Там же].

Автор полагает, что «функционирование трансграничного региона неразрывно связано с феноменом «пограничной» культуры, т.к. именно такая культура способствует межкультурному взаимодействию и синтезу». Пограничные культуры – это «полиэтнические объединения, складывавшиеся на протяжении многих веков и даже тысячелетий в результате симбиоза – синтеза не только близкородственных, но и генетически далеко отстоящих друг от друга культур» [Там же]. Со ссылкой на работу С. Семенова [13] автор пишет, что это «целостные общности,

исторически сформировавшиеся на рубежах между христианским, исламским, буддистским и языческим мирами и включающие в себя в различных комбинациях многие их элементы» [5, с. 47].

Являясь гетерогенной по существу, культура трансграничного региона формирует соответствующего человека, которого называют маргинальным [Там же]. Однако маргинальность не связана с процессом деклассирования и люмпенизации, а подразумевает человека, «живущего и сознательно участвующего в культурной жизни и традициях двух разных народов» [Там же]. То есть, речь идет не о социальной, а о культурной маргинальности, которая является результатом естественного развития человеческих сообществ – расширяющегося взаимодействия культур. Со ссылкой на работы Э. Стоунквиста и Р. Парка [11; 19] автор трактует маргинального человека как «ключевого субъекта в контактах культур», «который появляется в то время и в том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно. Такой человек неизбежно становится индивидом с более широким горизонтом, более независимыми и рациональными взглядами» [5, с. 48].

Это напрямую связано с ещё одним понятием культурологии, отражающим тип культурной динамики, – аккультурацией. Аккультурация, по мнению автора, предполагает двукультурность, которая достигается в результате усвоения новой культуры в дополнение к первоначальной. Она определяется как «процесс взаимовлияния культур, восприятия одним народом, этносом (полностью или частично) культуры другого» [5, с. 49]. Аккультурацию необходимо отличать от ассимиляции, которая «допускает утрату культурной специфичности нации или этнической, конфессиональной, какой-либо иной группы» [Там же]. Реально существуя в «двух мирах», маргинальный человек обладает таким специфическим свойством, как «транзитность». Резюмируя, автор пишет, что «маргинальный человек является продуктом естественного культурного процесса... Не утрачивая своей национальной принадлежности, он становится еще и региональным репрезентантом взаимопроникающих культур» [5, с. 50].

II

Переходя к региональным культурологическим исследованиям трансграничья, хотелось бы оттолкнуться от работы Л.Е. Бляхера, выполненной на Дальнем Востоке [1]. Перед нами – оригинальное и глубокое междисциплинарное исследование, на которое необходимо обратить внимание в рамках смежных по отношению к проблеме трансграничья региональных работ. На основе методов культурологии, политологии и анализа экономической ситуации автор описывает непростые отношения в приморском трансграничье между его ключевыми акторами: местным населением, федеральным центром и сопредельной стороной. Особенно интересно описание взаимодействия между периферией (Дальний Восток) и центром (Москва) в пореформенные годы. На основе демифологизации ключевых культурных концептов, отражающих особенности этих взаимоотношений, а также на основе анализа экономической и политической ситуации, автор говорит о важности «несистемного» взаимодействия («несистемные сети»), которое играет огромную роль в развитии региона именно как трансграничного.

Автор прямо пишет о том, что сегодняшняя ситуация на Дальнем Востоке – конфликт между Дальним Востоком и федеральным центром – обусловлен тем, что Москва внезапно «вспомнила» о том, что у нее есть дальневосточные интересы и рубежи, вернулась в регион, но за это время здесь уже сложились свои, иные для Москвы правила игры – т.н. несистемные сети, немалую роль в которых играет криминал и коррупция. При этом есть основания считать, что возвращение центра в регион отнюдь не связано с заботой о нем. Хотя важность региона властью подчеркивается достаточно часто, интерес этот весьма специфичен. «Регион каждый раз оказывается важен не сам по себе, а как средство для достижения чего-то внешнего по отношению к нему. Через него проходит труба, по которой сибирский газ должен попасть потребителям в АТР. Из его портов отходят танкеры... Через него в европейскую часть России проникают «нехорошие мигранты», и даже в проекте Концепции социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона 2007 г. основное место уделено описанию социально-экономического положения стран АТР. Сам регион выпадает из сферы интересов как журналистов, так и чиновников» [1, с. 317–318].

Уход государства в 90-е гг. был компенсирован собственным развитием региона, становлением «несистемных сетей» взаимодействия. Регион жил, точнее, пытался выжить, находясь вне внимания федерального центра. И о нём у центра, в равной мере как и у региона о центре, сложились мифологические представления. «Согласно мифологическим представлениям, которые, кстати, вполне согласовывались со статистическими данными, зачастую ещё более мифологическими, регион был «пуст» и «беден», остро нуждался в инвестициях, людях и т.д. Наличие у «пустоты» собственных, причём жестко отстаиваемых интересов оказалось шоком» [1, с. 342].

Между тем, эти сети играют в трансграничной экономике региона такую роль, что меры центра по наведению порядка нуждаются в дополнительных механизмах легитимации. «Властный центр с удивлением убедился, что его собственные действия по наведению законного

порядка или борьбе с олигархами... воспринимаются населением региона как нелегитимные или не вполне легитимные» [1, с. 344]. Несистемные сети стали системными, при этом речь идет не обязательно о преступности и коррупции. Последствия серьезные, в том числе – экономический спад, «достаточно слабо связанный с мировым экономическим кризисом» [1, с. 345]. Этот спад связан, как это ни странно, с увеличением активности федерального центра в отношении региона.

Очень важно, что автор обнаруживает прецеденты данной ситуации в прошлом – на рубеже XIX – XX вв. Но тогда «желтороссией» называли территории Китая, колонизированные русскими – Северо-Восточный Китай в зоне КВЖД и Ляодунского полуострова. Сегодня, считает автор, этот термин применим к южной части Дальнего Востока и Тихоокеанскому побережью [1, с. 339]. Социальные сети «желтороссии» оказались под ударом в период нулевых именно потому, что страна «вспомнила о наличии дальневосточных территорий» [Там же]. Осваивали, как им казалось, «пустое пространство», а натолкнулись на заполненное, на «желтороссию» [Там же]. Эта «заполненность» была воспринята центром как внутренняя угроза, что вызвало соответствующие действия и отношение региона. Озвучивается суждение, имеющее большое значение на фундаментальном уровне. Со ссылкой на работу М. Олсона [10] автор пишет: «Осуществляемое государственное вторжение в частную сферу начинает осознаваться как нелегитимное... государство перестает быть инструментом социальной интеграции, во всяком случае перестает осознаваться в таком качестве... политическое вторжение разрушает социальную ткань общества, выступает сильнейшим дезинтегратором» [1, с. 323].

Автор раскрывает также многие мифы в оценках взаимоотношений между российским и китайским населением, а также между населением Дальнего Востока и федеральным центром. Он трактует миф как «организующее коммуникацию коллективное знание, которое обеспечивает совмещение когнитивных горизонтов членов группы» [1, с. 320]. Эти мифы имеют большое значение в динамике отношений между вышеназванными акторами. На сегодняшний день главную проблему составляет компромисс трех сторон, при котором необходимо обеспечить минимум потерь. «По сути, на Дальнем Востоке сегодня реализуется уникальный проект по интеграции «несистемных сетей... Насколько успешной окажется эта попытка, покажет ближайшее будущее» [1, с. 346].

Работа имеет, на наш взгляд, не только прикладное, но и большое фундаментальное значение, т.к. по существу в ней апробирована методология культурологического исследования, ранее не применявшаяся к анализу отношений между центром и периферией как трансграничной зоной. Очевидно, что все представленное в данной работе, как на уровне разработки теории и методологии, так и на уровне прикладного исследования, может быть применено к осмыслению проблем забайкальского трансграничья. Мы убеждаемся, что реальных участников трансграничного взаимодействия не два, а три, и интересы федерального центра отнюдь не совпадают с интересами приграничного региона с «железной необходимостью», как это представляется некоторым авторам. Автор дает блестящий образец культурологического и политологического анализа их отношений, который может быть использован для проведения подобного исследования в Забайкалье, где, разумеется, со своей спецификой, имеются подобные проблемы взаимоотношений трех субъектов. Разумеется, нельзя не подчеркнуть роль работы в разоблачении некоторых политических мифов, в том числе мифа о «заботе» центра о провинциях, о «роли государства» в защите «национальных интересов».

Надо сказать, что в какой-то мере потенциал культурологии в отношении изучения забайкальского трансграничья был реализован. Наиболее перспективными представляются социокультурные исследования, базирующиеся на методологии социологии культуры, а также антропологические исследования, активно использующие постмодернистские методы.

Обратимся к первому. М.И. Гомбоева рассматривает культурологический аспект проблемы, но и выходит за его пределы в область стратегического планирования и прогнозирования политического и экономического развития трансграничных регионов [4]. Особенно важно в плане преодоления стереотипов подчеркнуть понимание необходимости признания Другого в развитии трансграничного сотрудничества на онтологическом уровне. Трансграничие осмысливается автором как «пространство, где действует комплекс взаимно ориентированных участников, согласующих свои действия с действиями Другого» [4, с. 41].

Автор выделяет типы трансграничного сотрудничества: 1) как мир межгосударственного, «большого» взаимодействия; 2) как пространство конкретного взаимодействия, когда акторами являются представители стран, народов, государств; 3) как сетевое взаимодействие. Именно третий уровень характеризует международные отношения на современном цивилизованном уровне, когда появляются специализированные учреждения и институты – структуры, ориентированные не только на «собственные культурные детерминации», но и на «удовлетворение интересов Другого», – соседа, что и способствует его положительному восприятию [4, с. 42]. Это имеет огромную значимость, поскольку позволяет нейтрализовать

проблемы межкультурного различия: последнее становится «основанием для конструктивного диалога в пространстве реального трансграничья» [Там же].

Иначе говоря, трансграничное взаимодействие третьего уровня создает проблему идентичности, и само же предлагает средства её решения. В трансграничном регионе, по словам автора, в чём и заключается специфика забайкальского трансграничья, формируется особая культура – культура трансграничного посредничества. Её положительная ценность заключается в постоянном согласовании своих действий и интересов с действиями и интересами Другого [Там же]. Автор подчёркивает, что существует она на основе самоорганизации и корреляции взаимных интересов [Там же]. «Это пространство заинтересовано в реальном преодолении «образа врага» и попытках преодоления административных барьеров с той и другой стороны; в ее рамках достигается плотное сетевое взаимодействие, отличающееся интеракцией, невозможной или затруднительной в других типах трансграничья» [Там же]. «Создается особое пространство взаимодействия, которое характеризуется продуктивным сотрудничеством, реальным и созидательным диалогом, в котором этническое и культурное разнообразие лишь обогащает внутренние культурные миры участников» [Там же]. Автор говорит об исторически сложившемся в Восточном Забайкалье новом качестве трансграничья – «единого социокультурного пространства регионов, структурирующегося трансграничными социокультурными сетями взаимодействия» [4, с. 43].

При всей важности высказанных положений, особенно в области толерантности и необходимости признания Другого, стоит отметить некоторые моменты, которые остаются не освещёнными. Создается впечатление, что забайкальское трансграничье представляет собой некий передовой тип взаимодействия, что вызывает большие сомнения. Хочется задать вопрос: так в чем проблема? На наш взгляд, остаются без объяснения издержки и недостатки забайкальского трансграничья, главным среди которых, конечно, является асимметрия. Автор пытается отчасти объяснить это, отчасти спрогнозировать дальнейшее при помощи теории «длинных волн» экономического развития (Россия пропустила «вторую волну»), но в конечном итоге рисуется вполне приемлемая картина. Да, у нас есть определенные недостатки – положение сырьевого придатка, неразвитость индустриальной базы и др., но, «обеспечивая политику роста» (за этим кроются инновации, а также территориальная, монетарная и налоговая политика), политику «сверхиндустриализации» (нацпроекты, технопарки), мы можем выправить ситуацию [4, с. 46]. Характерно, что здесь перечислены все проекты середины 2000-х, о которых сегодня можно с уверенностью сказать, что они провалились. Или, во всяком случае, тот незначительный эффект, который, возможно, и получает общество по реализации этих проектов, ни в коей мере не сопоставим с социокультурной и социально-экономической динамикой на сопредельной стороне, следовательно, не решает проблемы асимметрии трансграничья.

Тезис об относительной текучести правил и принципов современного мирового взаимодействия сопрягается с идеей многозначности культурных смыслов. Постмодернистская методология нашла своё применение ещё у одного автора, пишущего о феномене трансграничья [15]. Используя методологию постмодернизма, Д.В. Сергеев анализирует понятия «трансграничье», «пограничье», «лимитрофа». Он полагает, что постмодернисты «были первыми философами, обратившим внимание на процессы, происходящие на периферии структурного целого», они «интуитивно нащупали ту область, где происходят одни из самых важных и интересных культурных явлений. Объявив войну структуре, они провозгласили децентрацию и тотальную детерриторизацию» [15, с. 390].

Действительно, если отбросить в значительной мере идеологизированную критику постмодернизма, якобы «размывающего культурные, а затем и физические границы наций и государств» и «являющегося орудием космополитизма», то перед нами направление, располагающее значительным потенциалом и способностью разрушить целый ряд мифологем и штампов.

Так, полагает автор, «в культуре, именно на периферии, на краю, где происходит встреча, соприкосновение культур, происходит обновление, рождаются новые культурные смыслы, зачинаются новые модели и схемы развития» [Там же]. В понимании автора «пространство, где происходит непосредственное соприкосновение культур, может быть обозначено термином «пограничье», а там, где идет речь о взаимодействии, может быть использовано понятие «трансграничье». «Термин «пограничье» задает пределы культуры, маркирует другие, соседние с ней культуры. Это статика культурного пространства, где нет никаких процессов взаимодействия. Термин «трансграничье» преодолевает намеченные границы. Его отличие от пограничья подчеркивается префиксом «транс-», указывающий на преодоление заданных пределов, что, в свою очередь, подразумевает культурное взаимодействие, процесс» [Там же].

С этим связано и понятие «лимитрофа», введенное в научный дискурс достаточно недавно, в основном геополитиками. «Согласно теории локальных цивилизаций существует определённое ограниченное количество типов культурного бытия, которые оформляются в конкретные

цивилизации и размещены на конкретных территориях. Всё пространство, находящееся между ними, может быть охарактеризовано как межцивилизационное пространство или лимитрофа» [Там же]. Однако в современном, открытом к информационному воздействию мире лимитрофа не локализована ни в каком конкретном пространстве и не связана с физической границей между государствами. Поэтому на вопрос, где находится лимитрофа, автор с уверенностью отвечает – везде. «Вся мировая культура есть лимитрофа, трансграничье» [15, с. 391].

Говоря о научных перспективах постмодернистской методологии, Д.В. Сергеев утверждает, что она позволяет включить в исследование то, что раньше считалось девиационным, не вызывающим интереса и не обладающим права на обретение статуса научного объекта [14]. Снятие агрессивности культур в отношении друг друга предполагает отказ от ригидного характера границ, а в предельном варианте тотальный отказ от них [Там же]. Границы же нужны лишь как «способ реализации человеческой потребности в культурной идентификации», поскольку «существуют лишь на бумаге и в нашем сознании» [Там же].

Разумеется, с определенными поправками этот тезис справедлив только в отношении современного мироустройства, когда на планете почти ушел в прошлое антагонизм существующих одновременно социальных систем, а вместе с ним и тоталитаризм как характеристика принципиально закрытой системы. Со ссылкой на В.А. Тишкова [17] автор утверждает, что сами группы «есть во многом вообразимые сообщества».

Д.В. Сергеев дает характеристику «жителя мира без границ», иначе говоря, трансграничья. Это человек, который способен быстро адаптироваться в разных социальных условиях, открыт к диалогу с другими культурами и народами, охотно изучает иностранный язык, мобильно овладевает семантико-семиотической системой поведения другой культуры, социально мобилен и предприимчив. Хотя автор констатирует, что это – образ «успешного» взаимодействия индивида и трансграничья. Есть и множество других типов, населяющих данный регион, в том числе такой, который всегда недоволен сложившимся положением вещей, тоскующий по былому «пограничью».

Ясно, что такая постановка вопроса открывает большие возможности для анализа ситуации в забайкальском трансграничье, равно как и для решения проблемы его асимметрии. Но позитивные результаты такое исследование даст только при объективном рассмотрении сложившейся ситуации и при отказе от привычных мифологем и штампов. С опорой на работу А.В. Пелина [12] автор утверждает, что «центр по-прежнему держит монополию на осмысление и санкционирование каких бы то ни было нововведений, в том числе и в области межкультурного сотрудничества, но первые непосредственные контакты между культурами происходят как раз на границе» [14, с. 27]. Однако столица не всегда способна справиться с функциями, которые на нее возложены или которые она пытается на себя брать. «Столицы государств, концентрируя социальные капиталы, не всегда способны эффективно концентрировать экономические капиталы, но еще хуже контролируют присвоение символического капитала» [Там же]. «Социальная активность жителей лимитрофа прямо пропорциональна репрессивной силе центра. Столица, желая удержать власть над провинциями, ограничивает им доступ к социальным и экономическим капиталам, что должно привести к нулевому уровню политической жизни на периферии. Однако это приводит скорее к оттоку жителей, которые, вооруженные жаждой символической власти, сметают на своем пути к реальной власти любые преграды» [14, с. 31].

Соглашаясь в целом с выводами о необходимости трансформации функций границы в современном обществе в сторону ее десакрализации и демифологизации (разумеется, демилитаризации и открытости), мы все же отметим некоторые недостатки постмодернистской методологии. Постмодернизм хорош, когда необходимо разрушать стереотипы, так сказать, расчищать место, но в качестве научно-созидательного инструмента мы предлагаем обратиться к классическим концепциям, в том числе – концепции модернизации, к теории индустриального и постиндустриального общества. А отсюда, для объяснения некоторых явлений, связанных с мировой исторической динамикой (глобализация, имеющая непосредственное отношение к феномену трансграничья, модернизация), мы призываем учесть некоторые классические положения философии и науки о развитии.

Приведем конкретный пример. В одной из работ [16] автор совершенно безапелляционно заявляет, что «мы живем в информационном обществе» [16, с. 113]. Представляется, что подобное утверждение способствует сокрытию очень важной для российско-китайского трансграничья проблемы – проблемы ее асимметрии. Настолько ли далеко продвинулось российское общество в целом и в забайкальском трансграничье конкретно, чтобы по отношению к нему было верным данное утверждение? Вопрос, являясь ли информация, знания, фактический уровень квалификации кадров настолько важными факторами общественного производства в российской части трансграничья, чтобы это общество можно было бы назвать «информационным», представляет собой большую проблему. Информационное общество есть фаза общественного развития, характеристики которой не исчерпываются одними лишь технологическими

показателями или фактами потребления передовых культурных образцов. Это еще и комплекс нравственных изменений, среди которых не последнюю роль играет отношение к труду и другим людям.

Полагаем, что причиной культурогенеза (а в первую очередь в решении проблемы асимметрии трансграничья важно включение механизма производства образцов на российской стороне) не является только лишь обмен информацией, который понятиями культурологии можно обозначить как результат культурной диффузии. Наиболее важным, пожалуй, основным двигателем культурогенеза является собственное развитие общества, его адаптация к меняющимся условиям, а не пассивное восприятие пришедших извне культурных образцов. Опыт показывает, что пассивное восприятие ни на шаг не продвигает общество к новому состоянию (в данном случае – постиндустриальному), поскольку воспринимаемые формы сами по себе не способны коренным образом трансформировать духовную основу общества без его активной созидательной деятельности.

Отсюда выход на проблему культурной идентичности, вернее, ее утраты в результате трансграничного взаимодействия. Мы действительно не сможем ее решить, если примем методологию постмодернизма так, как она предлагается. Однако если учесть, что процесс культурогенеза есть результат социальной и экономической активности общества, то именно в ней, а не в закрытии границы или контроле над ней заключается решение. Сохранится и распространит себя за пределы своей системы культура того актора трансграничного взаимодействия, который не закроеется в эфемерной самобытности, а проявит творческую активность и предложит мировому культурному пространству то, что кроме него никто предложить не сможет.

Обзор основных подходов к культурологическому изучению феномена трансграничья позволяет утверждать, что важнейший вопрос культурологического исследования – это вопрос, является ли трансграничье отдельным социокультурным феноменом, особенно в условиях современных скоростей обработки и обмена информации, когда «лимитрофа» – сфера взаимопроникновения культурных образцов – пронизывает все культурное пространство. Нельзя не отметить огромный потенциал культурологии в преодолении различного рода идеологических штампов и стереотипов, которые отчасти всё ещё характеризуют отечественную социогуманитарную науку. Не меньшее значение имеет культурология для осмысления и решения вполне конкретной проблемы – асимметрии российско-китайского трансграничья. И, пожалуй, самое главное – мы приходим к необходимости пересмотра многих подходов, которые довольно часто осуществляется в отечественных исследованиях, в том числе – в исследованиях забайкальского и дальневосточного трансграничья. В классической лимологии (границеведении) приграничный регион не имел собственного статуса, он являлся ничем иным, как проводником интересов государства. Не имел он и самостоятельной жизни в рамках научных исследований. В отношении отечественного феномена пограничья это означало формулу «центр всегда прав». Новые подходы позволяют по-иному взглянуть на проблему взаимоотношений между центром и трансграничным регионом. Прежде всего это будет мысль о том, что у последнего есть свои особенности, интересы и потребности, несводимые к интересам и потребностям центра, в том числе, жизненно важные, удовлетворение которых связано с необходимостью развития общества.

Список литературы

1. Бляхер Л.Е. Трансграничное сотрудничество: экономические выгоды и политические проблемы, или интеграция несистемных сетей желтороссии // Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского региона. Владивосток: Дальнаука; изд-во ВГУЭС, 2010. С. 316–346.
2. Бредникова О. Последний рубеж // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 276–285.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Курдюкина. СПб.: Университетская книга, 2001. 415 с.
4. Гомбоева М.И. Социокультурная специфика Восточно-Забайкальского трансграничья // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2006. С. 41–46.
5. Емченко Д.Г. Маргинальный человек в контексте культуры трансграничного региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11(149). Философия. Социология. Культурология. Вып. 11. С. 47–50.
6. Зенкова Т.М. К вопросу о традиционной культуре Трехречья Китая // Трансграничье в изменяющемся мире: Сб. статей. Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. Ч. II. С. 80–82.
7. Ильин М. Проблема формирования «Острова России» и контуры его внутренней геополитики // Вестник МГУ. Сер. 12. 1995. № 1. С. 37–45.

8. Неклесса А. Трансграничье, его ландшафты и обитатели: Отрывок из беседы на берегу Телецкого озера. 2003 / Институт экономических стратегий: [сайт]. URL:<http://www.inesnet.ru/institute/structure/geo/text02.htm> (дата обращения 20.02.2011)
9. Неклесса А. Русский Мир: цивилизация многих народов // Культурная эволюция. 2010 / Культурная эволюция – Ярославль: [сайт]. URL: <http://yarcenr.ru/content/view/31892/179/> (дата обращения 20.02.2011)
10. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост. Стагфляция. Социальный склероз. Новосибирск, 1998. 432 с.
11. Парк Р. Культурный конфликт и маргинальный человек // Общественные науки за рубежом. Социология. М., 1998. № 2. С. 172–173.
12. Пелин А.В. Историческая борьба России, Германии и США за Украину // Кадровая политика. 2003. № 2. URL: http://www.whoiswho.ru/kadr_politika/22003/ap.htm
13. Семенов С. Ибероамериканская и восточноевразийская общности как пограничные культуры // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 159–169.
14. Сергеев Д.В. Край. Пограничье. Трансграничье. Лимитрофа // Трансграничье в изменяющемся мире: Сб. статей. Чита – Хулуьбуир: Изд-во ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. Ч. 1. С. 25–32.
15. Сергеев Д.В. Постмодернистская модель в осмыслении понятий Пограничье, Трансграничье, Лимитрофа // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 4. М.: Современные тетради, 2005. С. 390–391.
16. Сергеев Д.В. Смысл границы в информационном обществе // Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья: материалы научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18 – 20 октября 2006 г.) / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2006. С. 113–116.
17. Тишков В.А. Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 16–24.
18. Цымбурский В. Остров Россия: перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5. С. 6–23.
19. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in Personality and Culture Conflict. N.Y.: Russel & Russel, 1961. 230 p.